

Глубинка резкости

Часто слышу: чем дальше от столицы, тем якобы меньше люди интересуются большой политикой. Посетив с десяток маленьких городов Центральной России, убедился, что это далеко от правды.

Интересуются, и не меньше, чем мы, москвичи.

Двое грибников из Дзержинска больше часа вели меня по залитому дождем лесу к федеральной трассе «Волга» только лишь для того, чтобы показать возмущивший их рекламный щит: «Дороги объединяют Россию: единая Россия — сильная Россия!» На него можно было бы не обратить внимания (мало ли чего не насочиняют чиновники, чтобы израсходовать выделенные казенные деньги!), но грибников возмутили два ключевых слова — «единая» и «сильная». Они недвусмысленно намекали на ту конкретную политическую силу, которой конкретно народ обязан тем, что в стране есть дороги. «Тогда пускай возьмут на себя и колдобины, в которых мы теряем колеса!».

По всей видимости, правящая партия за то, что из рук вон плохо, не отвечает. В этом я убедился уже в Балахне, на родине знаменитого ополченца Козьмы Минина. Меня привели к почтовому отделению, на дверях которого висела вывеска: «Объект реконструирован по инициативе и под контролем партии «Единая Россия» и депутата Государственной думы Александра Хинштейна». А перед дверью огромная яма, наполненная грязной дождевой водой. Спрашиваю старушку, с трудом пробирающуюся к двери: что ж партия яму-то не засыпала? Та усмехается: «Так, милок, на яму потом вывеску не повесишь!» И действительно: «Яма засыпана по инициативе и под контролем...» — получается нелепица. Избиратель прочитает и не поймет, о чем речь — ямы-то уже не будет. А вход в почтовое отделение был до ремонта, будет и после него.

Аборигены рассказывают, что в Муроме, у паромной переправы, долгое время тоже висел огромный билборд, извещавший проезжающих о том, что вскорости по инициативе «Единой России» здесь будет сооружен мост через Оку. Но что-то, видно, со строительством не заладилось, и щит сняли. Поговаривают, что здешние начальники его вообще вывешивали не для информации населения, а для услады партайгеноссе Грызлова, в предвыборную пору навестившего город былинного богатыря Ильи Муромца. Гость увидел — порадовался за себя и свою партию, уехал — сняли за ненадобностью и чтоб глаза не мозолил. Думаю, в следующий раз (избирательная кампания, поди, опять придется на холода) нужно развесить по городу плакаты: «Отопительный сезон начат по инициативе и под контролем...» Пропагандистский эффект будет огромным, никто ведь не хочет мерзнуть, а согревшись — испытают чувство глубокой благодарности за заботу о простых людях.

Политическая провинция ничего сама не выдумывает, только заимствует. Центр, помнится, пугал нас неминуемым распадом страны, если не поддержим ратующих за властную вертикаль единороссов. Глубинка не стала мудрить и пошла тем же путем. В Городце, связанном с именем Александра Невского, увидел на заборе листовку, видимо, сохранившуюся от муниципальных выборов: «Единый район — сильный район!» Воображение нарисовало жуткую картину: городецкие земли вдоль и поперек изрезаны пограничными межами, на проселочных дорогах таможенные посты, а центробанки окрестных деревень печатают собственные деньги и запрещают осуществлять платежи в любой другой валюте. А из-за чего весь этот кошмар? Из-за того, что районный электорат ослушался и не поддержал районных начальников-единороссов, желавших ему исключительно добра.

Российская провинция, если ориентироваться на то, чем она располагала в советские времена, потеряла немалое количество рабочих мест: многое из старого закрылось, а ничего нового не построено. Всей новизны — торговые палатки да питейные заведения с небогатым ассортиментом дешевых товаров. Изысков немного, потому что они тут не пользуются спросом, не по карману. Покупает разве что молодежь, «менеджирующая на стороне» (выражение, услышанное от одного из калязинских жителей, сынок которого работает менеджером крупного магазина в Иванове).

Можно ли утверждать, что в провинции люди довольны своим нынешним положением? Нет. Цены ползут вверх, причем на все виды товаров, а зарплаты на негосударственных предприятиях остались на уровне двух-

трехлетней давности. Две трети (а, может, и того больше) провинциалов живут огородами. Но ведь до них тоже нужно как-то добраться, а как, если цены на бензин в глубинке сейчас выше московских? Выше! Такого здесь отродясь не было. Кто бы сказал почему?

Жизнь переменялась всюду, и в больших городах, и в малых, вроде Тутаева или Нерехты. Никому из здешних сейчас и в голову не придет ехать в выходные в Москву за колбасой или сосисками. И у себя все можно купить, были бы деньги. Только вот с ними как-то не очень. Безденежье определяет политические умонастроения здешних жителей. Год назад мои здешние знакомцы насчет властей — что местных, что столичных — вообще не высказывались. Сейчас стало много хуже — и заговорили, но пока вполголоса. «Вот ты скажи, на такую зарплату можно жить?!» — этот вопрос мне задавали всюду. Один из руководителей среднего звена правдинского бумажного комбината «Волга», помявшись, признался, что получает в месяц всего восемь тысяч, из них две с половиной платит за квартиру и коммунальные услуги. Что остается? Крохи. Мы сидели в пивной (по-местному — в чапке), и я угостил его водкой с шашлыком, за что заплатил около тысячи. Увы, поздно понял, что сделал глупость — в глазах собеседника была нескрываемая досада: «Легко же вам, писакам, денежки достаются!».

В провинции зреет недовольство. Но пока оно лишено адресата. О президенте Медведеве вроде как судить рано, вот и пожимают плечами. Как выразился молодой парень из Кашина: «Мы его не знаем». Но для Путина ситуация хоть и медленно, но меняется к худшему. Похоже, он, сам того не желая, ступил на минное поле российской неприязни и легко может стать той мишенью, в которую спустя какое-то время полетят стрелы. В России так уже бывало, и не раз: всеобщее обожание (тем более если оно безотчетное и рождено красивой телевизионной картинкой) в одночасье сменяется всеобщей неприязнью. Прежде глубинка голосовала за Путина во многом потому, что помнила леденящее душу безденежье ельцинской поры, а с его приходом в Кремль тут хоть что-то ожило, хоть пенсионеры вовремя стали получать свои стариковские крохи. Но голове всегда подсказывает карман. А что он подсказывает этим летом? Нетрудно догадаться. Квитанция за коммунальные услуги с означенной в ней четырехзначной суммой может сыграть в российской политике куда большую роль, нежели пакеты акций многомиллионного номинала, по воле случая оказавшиеся в руках тех, кто ныне приближен к власти или сам — власть.

Проблема не в том, чтобы посулить или даже дать людям глубинки что-то в успокоение. Она в том, что сама жизнь в российской провинции не переменялась. Благ стало больше, а возможностей приобщиться к ним много меньше. Это, а не какая-то эфемерная доктрина, может подвигнуть людей на осмысленный протест с непредсказуемыми политическими последствиями.

Социологи утверждают, что граждан, недовольных своим положением, в столице и в крупных городах больше, нежели в провинции. Выходит, чем дальше от Кремля, тем менее остро люди чувствуют свою незащищенность. В такое трудно поверить. Наверное, за статистической выкладкой, точность которой мною не ставится под сомнение, скрывается что-то такое, что невозможно описать количественно. Например, нежелание откровенничать с чужаками на подобные щекотливые темы. Люди в провинции недоверчивы, потому что от них до начальника, выше которого только Путин да Господь Бог, рукой подать, и во что может вылиться его месть, тут знают не понаслышке. Никакие уверения, что все будет анонимно и ничего подписывать не требуется, не помогают. Ошибается тот, кто думает, что это забитость. Это интуитивное неверие в справедливость, выраженное формулой «Вы уедете, а нам тут жить».

Что обращает на себя внимание в облике провинциальной власти? Она как две капли воды походит на федеральную. Большие начальники маленьких городов также окружают себя исключительно преданными людьми, используя административный и бюджетный ресурс, способствуют процветанию бизнеса близких и дальних родственников, оказывают покровительство полезным для себя структурам (их тут тоже величают «социально-ответственными») и создают проблемы якобы бесполезным. Местная власть, равняясь на федеральную, тоже испытывает идиосинкразию по отношению к местной прессе, считая ее первопричиной всех бед (примеров тому так много, что все и не перечислить). Но главное сходство — кастовость, ставшая нормой. Всяду — исключения крайне редки и, увы, недолговечны — начальники организуют для «своего круга» наглухо закрытую от постороннего взгляда жизнь, никак не соприкасающуюся с жизнью голосующего электората. Что можно с этим поделать? Ничего. Это тот самый случай, когда очищения не произойдет, если оно не начнется сверху. Но начнется ли?

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)